

Olga Belova
Rossijskaja Akademija Nauk (RAN)
e-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Утраченное соседство: образ еврейского местечка в воспоминаниях не евреев¹

Abstract

The Lost Neighborhood: The Image of the Jewish Shtetl in the Memories of Non-Jews

The paper presents some results of the study of the image of the Jewish town (shtetl), as it appears in the oral tales of the non-Jewish locals. The presentation is based on the folklore and ethnographic data collected in 2012 during the field research in Western Belarus and in Bessarabia. The oral stories of local old residents from the settlement Zheludok (Grodno region, Belarus) and the village Vertiujeni (Floreshti district, Republic of Moldova) will be analyzed to show the mechanism of “Jewish history” reconstruction of former Jewish settlements where the Jewish population is now missing. The only evidence of Jewish heritage are the monuments of material culture (houses, synagogue, Jewish cemetery), and the only source of information – the memories of local residents about their neighbors – the Jews. As the collected material shows, the text about the “Jewish past” broadcasting by and among the non-Jews, combines ethnographic details and myth-making, and largely reflects the ethno-cultural stereotype of the Jew, characteristic to the folk tradition.

Keywords: Jewish-Christian relations, Jewish ethnography, oral history, intercultural dialogue, ethno-cultural stereotype.

В публикации представлены некоторые результаты исследования образа еврейского местечка (штетл), каким оно предстает в устных рассказах местных жителей – не евреев. Материалом для доклада стали фольклорно-

¹ Статья написана в рамках работы по проекту «Проблемы этнических контактов и взаимодействий в текстах письменной и устной культуры: славяне и евреи» (РНФ 15-18-00143).

этнографические данные, собранные в 2012 году во время полевых исследований в Западную Белоруссию и в Бессарабию.

С 2004 года Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» проводит комплексные учебно-научные школы-экспедиции по изучению культурного наследия евреев Восточной Европы. За прошедшие годы обследованы различные регионы Украины, Белоруссии, России, Молдавии, Латвии и Литвы, собран большой полевой материал, составивший фактическую базу для электронного архива Центра «Сэфер» и послуживший основой многих публикаций:

- **школа «На колесах»** (Подолия, Буковина), 1–11 июля 2004 года (36 участников),
- **Тульчин** (Украина), 14–25 июля 2005 года (18 участников),
- **Балга/Тульчин** (Украина), 27 июня – 10 июля 2006 года (20 участников),
- **Могилев-Подольский** (Украина), 18–31 июля 2007 года (20 участников),
- **Бершадь** (Украина), 17–30 июля 2008 года (21 участник),
- **Ивано-Франковск** (Украина), 10–28 августа 2009 года (39 участников),
- **Ивано-Франковск** (Украина), 20 июля – 10 августа 2010 года (16 участников),
- **Бельцы** (Молдова), 1–10 августа 2011 года (19 участников),
- **Бельцы** (Молдова), 5–15 августа 2012 года (14 участников),
- **Желудок** (Беларусь), 22–29 июля 2012 года (19 участников),
- **Биржай** (Литва), 5–12 августа 2013 года (27 участников),
- **Лудза** (Латвия), 4–12 августа 2014 года (29 участников),
- **Лепель** (Беларусь), 23 июля–1 августа 2014 года (27 участников),
- **Резекне** (Латвия), 20–28 июля 2015 года (13 участников),
- **Глубокое** (Беларусь), 22–31 июля 2015 года (30 участников),
- **Смоленская область** (Россия), 4–12 августа 2015 года (30 участников).

Наша публикация построена на материалах двух школ-экспедиций 2012 года в Бессарабию и в Западную Белоруссию. На примере устных рассказов старожилов из села Вертюжаны (Флорештский район Республики Молдова) и из поселка Желудок (Щучинский район Гродненской области Республики Беларусь) мы попытались проанализировать механизм воссоздания «еврейской истории» бывших местечек, в которых еврейское население сейчас отсутствует. Единственным свидетельством еврейского наследия являются памятники материальной культуры (дома, синагоги, еврейское кладбище), а единственным источником информации – воспоминания местных жителей о соседях-евреях. Как показываем материал, «текст

о еврейском прошлом», транслируемый не евреями, совмещает в себе этнографические детали и мифотворчество и во многом отражает этнокультурный стереотип еврея, характерный для народной традиции.

В последние годы исследователи истории и культуры восточноевропейского еврейства все чаще сталкиваются с ситуацией «еврейских местечек без евреев», фиксируя взгляд на еврейскую традицию извне; такая ситуация порождает специфические в жанровом и содержательном аспектах нарративы, отражающие динамику и трансформацию традиционных стереотипов об этноконфессиональных соседях². Различной оказывается и судьба когда-то оживленных еврейских местечек – некоторые из них превращаются в своего рода фантомы, в некоторых же удается частично восстановить еврейский элемент хотя бы на уровне культурного ландшафта за счет элементов музеефикации. Мы рассмотрим два случая «утраченного соседства» на примерах из разных историко-географических регионов и постараемся показать то общее, что их объединяет, и то особенное, что отличает их друг от друга.

Вертюжаны

Вертюжаны, Вертюжень (рум. Vertiujeni) – село в Флорештском районе Молдавии. **Вертюжаны основаны как еврейская земледельческая колония в 1838 году. В 1897 году – из общего числа жителей в 1057 человек 1047, или 99%, составляли евреи; в 1930 году в селе проживало 1843 еврея (91% от всего населения). До Второй мировой войны в Вертюжанах было четыре синагоги. По переписи населения 2004 года в Вертюжанах числилось 1825 человек (молдаване – 1815, русские – 7, украинцы – 2, румыны – 1). В 2012 году – около 1000 жителей. Последний еврей в 2001 году репатриировался в Израиль, где и умер в 2006 году.**

Еврейская история Вертюжан имеет свои трагические страницы. В начале июля 1941 года румыны расстреляли здесь от полутора до двух тысяч человек. Дорога, по которой людей гнали на расстрелы, называлась долгие годы среди жителей Вертюжан «еврейской тропой». Кроме того, в Вертюжанах летом и осенью 1941 года был создан пересыльный лагерь-гетто, в котором находилось всего около 23 тысяч человек (в основном евреи из Буковины и Бессарабии). В сентябре 1941 года часть евреев из Вертюжан была депортирована в Транснистрию. Лагерь ликвидировали только зимой 1944 года.

² Из последних публикаций см.: Мороз 2014; Белова 2013; Белова 2015; Петров 2015; Слюжинская 2015. См. также сборник: Амосова 2013.

Когда началась война, Вертюжаны стали одним из самых страшных лагерей на территории Бессарабии, пересильных лагерей. По актам чрезвычайных комиссий, я изучала этот акт, через этот лагерь прошло по предварительным подсчетам от 26 до 28 тысяч евреев, которых потом гнали по вот этой дороге, по которой мы с вами проехали, в Сороки. Гнали пешком. [...] Именно там, в местечке Вертюжаны, есть так называемая еврейская тропа. Она ведет от Днестра к местечку, по которой гнали евреев, и местные жители до сих пор называют её «еврейская тропа», настолько вот это запомнилось. [...] Этот памятник был установлен в 1994 году в память о евреях. Здесь написана цифра 20 тысяч. Тогда еще не были известны архивы, но по архивным данным, по актам чрезвычайной комиссии, от 26 до 28 тысяч. В память о погибших евреях (Инна Гортолум, 1965 г.р.; зап. О. Белова).

После войны еврейские Вертюжаны уже не возродились. Прежде богатое местечко, обслуживавшее 20 населенных пунктов в округе (торговля зерном, вином, магазины, мельницы, маслобойки) постепенно превратилось в моноэтническое молдавское село, в настоящий момент представляющее собой депрессивное поселение, лишённое производства и перспектив развития. О еврейском прошлом Вертюжан напоминает сохранившаяся до сих пор рядовая застройка и общественные здания, в основном пустующие или руинированные. Из еврейских достопримечательностей Вертюжан местные жители показывают дом купца Плитмана (здание пустует) («Ну и покажу один из сохранившихся, дом одного из самых богатых евреев, этому дому сто лет, дом купца Плитмана, который какое-то время даже возглавлял примарию этого села, то есть был ее руководителем, подвал, этот дом сейчас закрыт [...]» – Инна Гортолум, 1965 г.р., зап. О. Белова); еврейскую баню (здание разрушено); две синагоги (в одной – продуктовый магазин; другое здание пустует); мельницу Геника (здание пустует).

И основной «локальный текст», который можно услышать в Вертюжананх, это рассказ о том, как постепенно происходило запустение местечка; местные жители с печалью говорят о былом размахе вертюжанской жизни, который исчез вместе с еврейским населением.

[Чем евреи в Вертюжанах занимались?] Занимались покупкой хлеба. Другие занимались покупкой пшеницы, кукурузы, имели маслобойки. У нас тут семь маслобоек было. Вот это здание, что позади [магазин], это была синагога. [Одна была синагога?] Нет, семь. Потому что для каждой... ремесленник вот свой... своя синагога! Они по профессии. [Где сейчас магазин, чья синагога была, какой профессии?] Не знаю, они определяют по знакам... там на дверях. [На дверях написано или нарисовано что-то?] А-а-а... сняли надписи, всё! Тут они купили эту землю, сначала строили... Эти сёла, с округ, им выгодно было, чтоб базар был. И привозили хлеб, привозили всё что... А на той стороне тоже был еврейская поселение. [На той стороне Днестра? За рекой?] Да. Построение было такое вот: дом для жилья и чтоб где принимать хлеб. И принимали хлеб и по реке – шас не едут никаки катера, а тогда дамбы били и эти... проход к пристаням. И баржи нагружали хлебом, и они плыли в Одесе, туда по течению... Потому что железная дорога позже построена и далеко. А тут спускались только на Днестр и по воде... на Одесу направляли, а с Одесы уже куда выгодно, куда надо.

[...] А взять так кругом, так много километров, а так – километров 15, тоже еврейский пристань, там всё. [А как называлось то место, где пристань?] Там называлось Рублин. А потом у Каменке тоже еврейское поселение. За этим белым клином [обозреваем задне-стровские дали]. А еще километров 15, Рашков, тоже еврейское поселение – и по правой и по левой стороне

[...] [О других синагогах] Одна там наверху, сняли, там фундамент. Две остались – эта и там. Красивое здание. [Что было во второй?] Была школа. [Какая была самая большая синагога?] Те были большие. Эта ж маленькая, но она двухэтажная. Один этаж сняли. [Еврейская школа была?] Так вот там еврейская школа. Там и синагога.

[...] Вот тут самый богатый был. Плитман один. Вот – тут были двери, окна, и тут они продавали мануфактуру. Держали свой магазин [вход с торца]. И под каждый дом был подвал. [Подвалы были большие.] Вот видите, тут двери были. А вместо двери поставили окно. Заходишь в этот отдел, смотришь, чего надо, и тут опять двери. [Евреи строили по «плану», все переделки были сделаны уже при советской власти. Кирпичный дом с мануфактурой принадлежал Генику.] Геник – они имели мельницу. Родственники этой фамилии, они богатые были, имели мельницу.

[...] [А кузница была, кузнец был?] Конечно, был. Лев Ицкович, сын кузнеца. А Ицик был кузнец. Так они же отличались... Кто мастер по дереву, кто... Ни один не сидел без работы. Кто сапожник... А сапожник – не так чтобы только латал. Делал обувь. Они, эти сапожники, они привозили хороший матерьял, принимали заказы, делали хорошие сапоги, не только сапожник, чтоб латал, каблук там... Вот тут тоже дома... Всё было.

[...] В каждой комнате была вот такая табличка. И они там молились. Вот если зайдёшь, и он молится, он не будет говорить с тобой? пока не кончит молиться. [А где эти таблички были у них?] Не у дверях, а у коробке у дверях. [К ним прикасались, к этим табличкам?] Ставили на голову тюбетейку такую, молились. [На руки ничего не накручивали?] Какой-то шнур. На голову ермолку какую-то. [Как молились – читали, пели, молча?] Имел, значит, книжечку такую вот. Старик. А молодые – не смотрел хорошо, как... [Каждый дома молился или собирались?] Дома. Потому что после войны синагога закрыта.

[...] А вот это синагога, что осталась, впереди. Синагога была еврейская, а тут тоже богатый еврейский дом. [В синагоге сейчас сельпо.] А тут тоже маслобойка была. И стройматериалы. Лесостройматериалы. Тут тоже еврейский дом, но перестроили.

[...] [У синагоги. Два входа.] Построена уже сто лет имеет, еще держится. Подвал есть, хороший подвал. [Зачем в синагоге два входа?] На всякий пожарный случай. [А подвал зачем?] Они лучше знали, для чего. Знаете, если что-нибудь война или что-нибудь, они молятся, надо чтоб у их быстро уехали. У всех евреев подвалы были под домом. [Они там сами прятались?] А как же. Здесь кроме евреев никто не имел права. Вам, например, передали, что евреи между собой имели, значит, каждый специальность имел... своя синагога. Допустим, для купцов, а другая для кузнецов. Для сапожников, и так далее.

[...] [Евреи после войны] Они уехали все. Как только узнали, что беда будет, так уехали. Богатые имели знакомых и переправились, а вернулись мало. Которые остались только в живых. [...] Которые остались в живых, приехали, жили тут, а потом постепенно-постепенно уезжали. Подкрепились немножко – кто в Бельцы, кто в Кишинёве, кто в Одесе, кто в Черновцы... У них была очередь. Была одна самая бедная Броня... Маня... И они имели связь с евреями вот. И когда уже подошло время, Броню забрали и нету – в Австралию! Уехали. Они дружно между собой держали вот связь. [Поселок за Днестром назывался Александровка, сейчас только весной можно видеть места фундаментов домов – желтеет глина. Граница до войны закрыта.] До войны не обижали румыны евреев, нет. В хороший контакт были. Уже как началась война, тогда уже. Побыли, приезжали даже евреи из Румынии, которые остались в живых. Они занимались не только сапожниками и кузнецы, они занимались, как сказать...

сельскохозяйственными... виноградники хорошие, французские сорта. И производили очень много хорошего вина. Вот тут красота была. Виноградники.

[...] Евреи, которые остались в живых, они все вернулись в своих домах. Даже некоторые не вернулись в своих, потому что если хороший дом, смотрят, до 49-го года раскулачивали. И вот был один Геник, который мельница вот, фамилия Геник, они были богатые. И он не согласился взять свой дом. А его дом перешел под Дом пионера, а он маленький дом такой вот... знал точно, что хозяина не придёт, и оформил уже на себе и жил пока продал. Продал, уехал в Бельцы.

[...] До войны было магазинов много. Каждый еврей имел свой... свою лавку, магазин. И видит, что идёт... Он сразу определяет, что ему надо – штаны или рубашка. И говорит: «Ко мне!» Вот. Я тебе дешевле оставлю. Может, не дешевле, может, дороже, но он... человек радуется. И это называется свободная торговля. А тут у нас привозили – при советской власти привозили товар – очередь! Сейчас очереди нигде нет. Нету очереди, лишь бы деньги были и желание – иди покупай, ночью, днем, утром – когда хочешь! Тогда очереди не было. «Что имеешь? – Кукурузу! – Заезжай сюда!» Имел прибор такой – берет снизу анализ, берет сверху: ага, хороший! За сколько? И за пуд – столько. Некоторые занимались только мясом. Эти, шо мясо сдавали на переработку, колбасы тоже были. Не сидели ни одни даром ничего! Были пекари, пекли хлеб. Хлеб – топили печки только дровами. [...] Была продажа! На продажу! И вино делали тоже на продажу. Вино очень хорошее.

[...] Это Гениковская мельница, а там Ландер [тоже мельница была]. Потом перешла при Советский Союз госмельница. Сначала работала на паровике. Паром. Те [евреи], что по селам, они имели лавки. Торговые. Там соль, там мыло, там хлопчато-бумажное, рыбу, муку, конфеты. Другой имел керосин, топливо. А третий занимался табаководством. Потому что табак хорошо платили и тогда, и сейчас. И сушили и имели такие вот рамки. И если погода неважная, они ее под здание заносят. Солнце – хорошо, они вытаскивают. И делает ароматный и цвет хороший (Степан Александрович Движун³, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

В Вертюжанах сохранилось еврейское кладбище, хотя многие памятники исчезли, были перемещены и т.п. Здесь мы услышали поразившее нас определение – «мертвое кладбище» – так говорят о нем не столько потому, что на нем давно никого не хоронят, сколько потому, что кладбище неоднократно подвергалось разорению.

Так вот когда здесь был румынский жандарм-пост, румынская власть, в годы войны, по приказу румынских властей мацевы с еврейского кладбища использовались для того, чтобы выстелить улицы. Потом единицы возвратившихся сюда евреев сами, на своих телегах, на лошадях, свозили эти мацевы обратно на кладбище, естественно, установить где какая могила и что – было невозможно. Но постепенно все эти мацевы исчезли опять за счет местного населения. [...] Рядом с Сороками есть карьер, там добывают косоуц-кий камень и именно из него строят, из него делают плиты, могильные и так далее и так далее. Так вот – он дорог, привезти его из Сорок тяжело, и очень многие мацевы с еврейского кладбища были использованы местными жителями молдаванами для того, чтобы вымостить у себя двор, подвалы и так далее. Конечно, об этом не принято говорить, и

³ Как охарактеризовал Степана Александровича другой наш собеседник, «он очень хорошо жил с евреями, кое-что они ему по секрету передали [...]» (Анатолий Васильевич, 1955 г.р.; зап. О. Белова).

когда я впервые побывала здесь, для меня это было просто мёртвое кладбище (Инна Гортлум, 1965 г.р.; зап. О. Белова).

Но именно «мертвое кладбище» стало тем местом, где для нас ожила история еврейских Вертужан. В рассказах местных жителей Степана Александровича (1932 г.р.) и Анатолия Васильевича (1955 г.р.), которыми они сопровождали нашу прогулку по кладбищу, время от времени оставившаяся у надгробий своих знакомых, местная история обрела своих персонажей, а сведения о еврейских обычаях (не только об особенностях погребального обряда, но и о повседневной жизни местечка) расцвели интересными деталями.

Так, у могилы Герша Ароновича Ройфа (1898–1974), украшенной эпитафией по-русски «Дорогому отцу и дедушке от скорбящих детей и внуков», мы узнали не только о том, что «они, эти Ройфы, парикмахеры были», но и услышали воспоминание о еврейских похоронах.

[А похороны вы видели еврейские?] Да. Как – вот там домик, где Ройф умер... Они были эти... парикмахеры. И в то время – потом не соглашались хоронить так, а... как лестница, и на лестнице чёрным матерьялом обматывали. [Это носилки такие?] Да. И даже шли не по дороге, а по тротуару и собрали – вот вы даёте пять рублей, сколько можете, и потом, когда эти деньги собирают со всех, и хоронят. Так даёт одному бедному. Все деньги, шо собрали [...] [Гроб был?] Нет, не в гробу, а на этом... на лестнице [лежал покойник]. А потом опускали в яму. И котлован был. В яме – яма, а потом сбоку котлован. И в котлован. Некоторые были сидя, а потом лёжа. Не знаю почему. Ставили сидя и плита каменная. Так чтоб земля не сыпалась туда. [Чтоб на тело земля не попадала?] [А тело завернуто?] Конечно, завернута, не голый. Одежда чёрный. [Несли на кладбище медленно или быстро?] Как быстро? Нормально. [А по пути останавливались?] Останавливались немножко, но не так чтоб долго (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

У другой могилы, где похоронен Семен Иосифович Шварц (1912–1974) – «Шварц Семён. Вот про которого верёвку...», Степан Александрович и Анатолий Васильевич поведали о странном обычае, которым сопровождалась еврейские похороны – в могилу якобы опускали верёвку, один конец которой оставался на поверхности земли.

[...] У них ещё обычай такой. Жена была русская. И сказала, что нет, я коммунистка, всё, не будем хоронить так [по еврейскому обычаю], а будем делать по-своему. [По-русски?] Да. Из-за пятнадцать метров толстой верёвки. Обычай такой. Колышек забивает, обматывает [верёвку] на колышек и спускает эту верёвку в яму. А один человек взялся и тянет за... и говорит: «Зачем вы эту верёвку? Мне нужно для коровы». Они говорят – нет. Когда придёт... второй... когда все воскреснут [...], а наши вот по верёвке быстрее чем ваши, вот! вылезут из яму. Не анекдот, нет. Правда! Так ставили! [Ее в могилу опускали, к покойному?] Да-да! Один конец верёвки должен быть на улице. А остальное там, ну пять метров, до двенадцати метров. Шварц работал в магазине, имел! не жалел верёв-

ку! [Почему такую длинную?] Зачем? Может, другие больше ставили (зап. О. Белова, А. Полян)⁴.

Вообще же, о еврейском погребальном обряде наши собеседники говорили очень прочувствованно:

[...] А когда читает всё, когда вытаскивают мертвеца из дому, когда читает, очень жалко... Они не плачут так как... со звуком чтобы... махали руками, они – внутри вот так вот, аж больно... как рабин читает! [...] Так вот в душе плакали (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

Память наших собеседников сохранила и такую подробность о еврейской поминальной обрядности:

На все эти религиозные еврейские праздники они сюда приезжали. Приезжали – это когда смотришь большую территорию, из Вертюжан, с Темериуты, с Воскоуты, с Черлины, с Немировки, а там целый посёлок был – Любляна. И они там кладбища не имели, а они сюда, вот, хоронила. [...] Каждый на свою могилу и только в одно место, где рабин читал, и всё (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

Вспоминая на кладбище своих соседей, наши собеседники рассказали и о местной знаменитости, предмете гордости тех вертюжанцев, которые еще помнят евреев:

Вот там где были на низу, был хромой еврей. Он работал председателем сельского совета, а жена в магазине. Имел два сына и дочка. А через несколько время слышно, что премьер-министром Израиля этот... отсюда. [А как его звали?] Не Келенцукер, а... Сын! Ну, ему уже 60 должно быть, потому что учился, окончил 10 классов тут, уехали они. Они попали в Израиль не отсюда, а родились тут. Как его... Премьер-министр Израйля! [Обращается за помощью к Анатолию по-молдавски] [Анатолий:] Либерман! [Инна:] Авигдор Либерман, министр иностранных дел! [Степан Александрович:] Слышали?! Два пацана были, чёрненькие, шустрые такие... [Он здесь вырос? И вы его видели?] Конечно! Были как цыганята, чёрные! Уже давно как-то они уехали, помню, были тут (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; Анатолий Васильевич, 1955 г.р., Инна Гортолум, 1965 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян, Д. Жаминаер).

Так в локальной истории нашел свое место Авигдор Либерман, заместитель премьер-министра Израйля...

Не остались без внимания и курьезные случаи из жизни еврейской общины, например, происшествие с ритуальным забоем птицы:

⁴ О мотиве первенства на последнем Божьем суде см. подробнее: Белова 2005: 196–198. Среди иных средств, призванных обеспечить погребенному еврею первенство перед представителями других конфессий, в разных регионах упоминаются: палочки, полагаемые в гроб (с их помощью воскресший быстро выберется из могилы); полотенце и горшок с водой (воскресший быстро умоется и придет на Страшный суд); погребение без гроба; помещение тела в могилу сидя или лицом вниз (воскресшему легче встать из могилы). Параллелей к упомянутому примеру с веревкой пока не найдено.

[А резник у них тут был?] Был. [А птицу он резал дома или на базаре?] Не-е-ет, дома. Это как «хахам» называлось. Привозили из сёла, нанимали подводу, привозили. А потом один додумался – говорит, а на черта мне каждый раз! там лощина хорошая, останавливается, режет сам этих птиц, всё что было, и отвозит. А рабин этот спрашивает: «Почему не приезжаете?» Говорят, как мы не приезжаем?! Мы регулярно! Взяли – сняли, выгнали! (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

Ну а потом речь зашла о праздниках, и мы узнали и о еврейской маце, и о ритуале омовения на праздник Кущей, и о молении на золе в Йом Кипур, и о молитвах «над корытом», потому что по Днестру проходила государственная граница и приближаться к берегу было запрещено...

[А хлеб они для себя пекли?] Так вот там где повернулись [по дороге на кладбище], там пекарня была. В одну сторону делали бублики, а в другую сторону хлеб пекли. А хлеб вот такой высокий хлеб, круглый [высотой около 30 см]. До сих пор они не знают, каким способом такой хлеб пекли. Секрет был на хлеб. И в печь, а топили печи дровами. А сейчас электричеством, и хлеб как будто большой, а когда кушаешь – мало. [А пресный хлеб у них был, лепёшки?] А-а-а... это как еврейская паска. Угощали – Роза, Борис. Даже если не хотели – они обижались: не хотите нашу паску. [Это они на Пасху такое пекли? А как это называлось?] Я думал, что умру, если покушаю кусок... Думал, что если он такой топтанный и с дырками... [А что в этом страшного?] Ничего. Я хотел, чтоб он был мягкий, пушистый, такой вот. Ап, в рот и всё! А это надо гризть! [А на вкус как?] На вкус – несолённый и не сильно сладкий. На Пасху.

[...] Этот, потолок, разрубил и крышу тоже, в синагоге не разрешали, занятые были. И все собираются и возле этой дырки, чтоб капало им на голову и читают молитвы и молятся Богу. Молились, специально разрубили, чтоб молились. [Зачем надо чтоб дождь на низ капал?] Дождь, говорили, чтоб промыть от всех грехов. [А не слышали такого – «еврейские кучки»?] Это кушка! [...] «Идут евреи в кушку молиться!» Это кушка! [...] Было такой праздник – они собирались это... золу, золу – сколько вот топили, ставили в одно место, и когда вот дождь моросит, они вот на эту золу [становятся] в все молятся [ритуал Йом Кипура!]. Тоже праздник. [Ходили молиться к реке?] Может, на другой реке, а тут если граница, так не разрешали. Могли только налить в корыто большое воды и молиться над корытой. А на реке не разрешали, потому что на той стороне... [А что, над корытом молились?] Большое корыто, ну как назвали они... Ну, на 15 вёдр... корыта большая. Наливали воду, и... [А это на какой праздник? не тогда когда кучки?] Нет, за четыре раза в год имели такие [ритуалы] (Степан Александрович Движун, 1932 г.р.; зап. О. Белова, А. Полян).

Так заполнилось голосами и образами пустое пространство еврейских Вертюжан, где раньше, по словам Степана Александровича, «тут было всё чисто. Занимались тут. Даром никто не сидел»; скорее всего, перспектив обновить материальные свидетельства еврейского присутствия здесь нет и единственный источник сохранения памяти о евреях – это воспоминания немногих местных жителей.

Желудок

Поселок Желудок Щучинского района Гродненской области Белоруссии – это тоже сегодня еврейское поселение без евреев. В конце XVIII века местная еврейская община насчитывала 287 человек, плативших подушную подать, то есть реально в местечке проживало около 600 евреев. В 1832 году еврейский кагал в Желудке насчитывал 256 человек обоего пола. Согласно исторически документам, в 1925 году в Желудке действовали три школы: государственная общеобразовательная на польском языке (255 учеников), частная еврейская ортодоксальная на иврите (58 учеников) и частная еврейская школа на идиш (101 ученик), которая содержалась за счет родительского комитета. Еврейская община Желудка погибла 9 мая 1942 года, когда гитлеровцы организовали в Желудке «акцию»: за местечком был заранее подготовлен расстрельный ров, всех евреев пригнали туда и расстреляли. В 1959 году на братской могиле узников гетто, убитых в мае 1942 года, был установлен обелиск (Пивоварчик, Соркина 2013: 20, 31–32).

Старое еврейское кладбище и сегодня является одной из ландшафтных доминант местечка Желудок. С этим местом связаны и воспоминания о еврейском погребальном обряде, отличавшемся от христианского и потому вызывавшем любопытство, и рассказы о трагедии 9 мая 1942 года, когда кладбище на окраине местечка в один день стало общей могилой для двух тысяч человек...

Мне бацька гаварыў, што на плошчадзі была арка такая зроблена на падобіі варот. **І там рабін ілі як фамілія этава лёрэя, значыць, ну, ва ўрэмя вайны, значыць, сабраў усіх і гаворыць: «Настаў наш дзень». І дружненька пайшлі за Жалудок, і іх пастралілі там.** То бацька гаварыў, адзін уцек, уцек і ранены быў аж пад Круцы, можа кіламетр адбег і вярнуўся... (Юрий Станиславович Химан, 1966 г.р., п. Желудок Щучинского р-на Гродненской обл., 2012, зап. О. Шаталова, О. Гущева).

За время работы в Желудке школы-экспедиции мы записали многочисленные воспоминания местных жителей о традициях и обычаях евреев. В рассказах фигурировали и сохранившиеся «еврейские» объекты: синагога, баня (миква; здание было идентифицировано как раз во время работы экспедиции с помощью материалов интервью), еврейская школа, еврейские дома и магазины.

Старожилы Желудка вспоминали, как бурлила в местечке жизнь, как проводили свободное время в субботние дни их соседи-евреи:

И вы знаете как: вот наш Желудок – была прекрасна площадь большая! Большая-большая площадь! [...] В серединке стоял двухэтажный дом. Это дом был княжны. Там был готель, там был ресторан, и магазины были все – и книжный, и где материалы продавались. И чтоб перейти на ту сторону, чтоб не обходить вкруговую, была арка большая, и под этой аркой проходили на другую сторону. А кругом были магазины. И магазины в основном

были еврейские. Только два магазина были наших католиков. [...] Идём, мы ж дети, маленькие, идём – уже жали рожь, а они – как суббота, кругом площадь была большая, и кругом площади был выложен тротуар такой кругом, и вот они по этому тротуару, взявшись под руки, по двоём всё ходили (Виктория Викентьевна Ковалевская, 1926 г.р.; зап. О. Белова, А. Погорелый, И. Копчёнова).

Да. И они умели отдыхать. Я вам говорила, что у нас тут был бор сосновый [недалеко от еврейского кладбища], так это было место отдыха для евреев. В жаркое лето – у них такие гамаки были сделаны – они все там. Суббота как у них считалась? Шабес мы уси говорили. Да, это был праздник был у них. [Почему они именно туда ходили?] А там сосновый лес. А сосна, смола – это ж такое для здоровья! Запах этой смолы. Они знали, где отдыхать (Гелена Яновна Заблоцкая, 1933 г.р.; зап. А. Мороз, Н. Петров).

[А вот в субботу нельзя было работать?] Нельзя было – у них праздник, вот как у нас праздники большие, у них праздник. Они тогда, вот, речка у нас здесь рядом, под ручку и на шпациер, называли. На прогулку, пайшли туда, назад. Уже у них свята начинается... (зап. Н. Пасюта, М. Коженевская).

В рассказах старожилов звучали голоса местечка: наши собеседники колоритно воспроизводили выкрики старьевщика и мороженщика, «озвучивали» речь соседей, воспроизводя еврейский акцент или копируя слова и выражения на идише (публикации фрагментов интервью см.: Белова 2013: 67–68, 74; Шука 2013: 82–84).

Работа экспедиции Центра «Сэфер» в Желудке, объединившая усилия историков и этнографов (запись интервью на темы «устной истории») и эпиграфистов (исследование, описание и каталогизация еврейского кладбища), в которой нам помогала поселковая администрация, и учителя и ученики местной школы, дала впечатляющий результат. Осенью 2012 года был сделан первый шаг на пути создания мемориально-исторического проекта «Местечко Желудок». С помощью немецкого фонда «Память. Ответственность. Будущее» и стараниями нашей коллеги по экспедиции Марии Сидоровой-Шпилькер были установлены памятные знаки у некоторых еврейских объектов в Желудке, а в 2013 году на зданиях синагоги и бани появились памятные доски. Выпущенная в свет книга, составленная по материалам экспедиции, включающая помимо тематических публикаций каталог надгробий еврейского кладбища, также стала вкладом в процесс пробуждения исторической памяти (См.: Копчёнова 2013). Так появилась надежда на то, что утраченное соседство все-таки получило возможность на выход из забвения, а доселе «неудобное наследство» нашло свое место в культурном фонде поселка.

Возможно, в ситуации, когда единственным источником сведений о былом соседстве становится людская память, соединяющая повседневность и миф, а единственным материальным свидетельством – разрушающиеся объекты еврейской истории, именно исследователям-энтузиастам исто-

рия отводит роль спасателей и отчасти хранителей культурного наследия.

Библиография

Книги и монографии

Сборники и статьи в сборниках

Амосова С. (ред.)

2013 Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов, Москва.

Белова О.В.

2005 Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции, Москва.

Белова О.

2013 Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины), [в:] Желудок: Память о еврейском местечке, ред. И. Копчёнова, Москва, с. 63–81.

2015 Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей, [в:] Лепель: Память о еврейском местечке, ред. С. Амосова, О. Белова, Л. Дрейер, В. Мочалова, А. Шаевич, Москва, с. 92–114.

Копчёнова И. (ред.)

2013 Желудок: Память о еврейском местечке, Москва.

Мороз А.

2014 «Еврейский текст» города Велижа // Круж жизни в славянской и еврейской культурной традиции, ред. О.В. Белова. Москва, с. 285–295.

Петров Н.

2015 «На меня всё говорят: “ты на ты на яўрейку похожа”»: Индивидуальное интервью в системе знаний о традиции, [в:] Лепель: Память о еврейском местечке, ред. С. Амосова, О. Белова, Л. Дрейер, В. Мочалова, А. Шаевич, Москва, с. 68–80.

Пивоварчик С., Соркина И.

2013 Исторический очерк еврейской общины Желудка, [в:] Желудок: *Память о еврейском местечке*, ред. И. Копчёнова, Москва, с. 17–38.

Слюжинкас Р.

2015 Исторические воспоминания литовцев о евреях в окрестностях Биржай (1920–1940): современный взгляд, [в:] Евреи на карте Литвы: Биржай Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти, ред. И.В. Копченова. Москва, с. 111–126.

Щука О.

2013 Евреи в представлениях жителей деревни Фарный Конец, [в:] Желудок: Память о еврейском местечке, ред. И. Копчёнова, Москва, с. 82–84.